

Индекс 70156

ISSN 0042-8744

6
|||

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

ISSN 0042-8744 Вопросы философии, 2013, № 6

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

2013
|||

6
2013

«НАУКА»

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 6

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2013

МОСКВА

*Журнал издается под руководством
Президиума Российской академии наук*

“НАУКА”

СОДЕРЖАНИЕ

В.А. Мирзоян – Управление и лидерство: сравнительный анализ теорий лидерства 3

Философия, культура, общество

В.К. Кантор – Университеты и профессорство в России 16
Е.А. Андреева – Петербург – “город на костях”? 29

Философия и наука

В.Н. Брюшинкин – Поризматическая модель происхождения научных теорий
и ее применение к исследованию истории логики 41
И.Т. Касавин – Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитиче-
ской философии 46
А.С. Карпенко – Философский принцип полноты (часть I)..... 58

Из истории отечественной философской мысли

С.М. Климова – Теоремы разума и аксиомы веры. Спиноза и Толстой..... 71

История философии

Н.С. Юлина – Генри Стэп: Квантовый интерактивный дуализм как альтернатива
материализму 82

С.Л. Бурмистров – Религиозное сознание в классической адвайта-веданте.....	98
С.В. Лобанов – Концепция происхождения индийской науки Фрица Сталя.....	108
Т.Г. Скороходова – Англофильство бенгальских интеллектуалов: путь к себе от признания Другого.....	118
Л.Э. Крыштоп – Постулаты практического разума: от первой “Критики” ко второй.....	129
М.Е. Соболева – Логика герменевтики.....	140
С.Ф. Нагуманова – Теория сознания Д. Розенталя.....	149
<hr/>	
А.Н. Фатенков – Невозвращенец: фигура субъекта в негативной диалектике.....	159
Е.А. Кротков – О рассуждении как методе познания.....	170

Критика и библиография

Н.М. Смирнова – Н.С. Автономова. Философский язык Жака Деррида.....	181
Б.В. Рейфман – В.П. Шестаков. История американского искусства. В поисках национальной идентичности.....	186
Наши авторы.....	191

**Председатель Международного редакционного совета –
Лекторский Владислав Александрович**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Э. Агацци (Италия), Ань Цинянь (Китай), А.А. Гусейнов (Россия),
В.П. Зинченко (Россия), А.Ф. Зотов (Россия), А.Н. Нысанбаев (Казахстан),
А.П. Огурцов (Россия), Т.И. Ойзерман (Россия), М.В. Попович (Украина),
В.Н. Садовский (Россия), В.С. Степин (Россия), Ю. Хабермас (Германия),
Р. Харре (Великобритания)

Главный редактор – Пружинин Борис Исаевич

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

П.П. Гайденок, А.А. Гусейнов, В.К. Кантор, В.А. Лекторский, В.Л. Макаров,
В.В. Миронов, Н.В. Мотрошилова, И.С. Разумовский (ответственный секретарь),
А.М. Руткевич, Ю.Н. Солонин, В.С. Степин,
Н.Н. Трубникова (заместитель главного редактора), Т.В. Черниговская
Сайт журнала – <http://www.vphil.ru>

Университеты и профессорство в России

В. К. КАНТОР

В своей статье автор рассматривает одно из ключевых явлений русской интеллектуальной культуры – университет как условие выхода русской элиты на уровень европейской цивилизации, более того, как элемент, способствовавший европеизации всей страны. Трагедия русского образования яснее всего видна в судьбе русских университетов. Самодержавие пыталось ограничить свободу науки, большевики просто изгнали русскую профессуру из страны.

In his article the author considers one of the key phenomenon of the Russian intellectual culture – university as the condition of Russian elite entering the level of a European civilization, and moreover as the element, that contributed to Europeasation of the whole country. The tragedy of Russian education can clearly be seen in the fate of Russian universities. The autocracy tried to limit the freedom of science, and Bolsheviks simply exiled the Russian professorate from the country.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Россия, университет, Европа, профессор, самодержавие, большевизм, просвещение, радикализм, отцы, дети.

KEY WORDS: Russia, university, Europe, professor, autocracy, Bolshevism, enlightenment, radicalism, Fathers, children.

Похоже, что университетская тема до нынешнего дня остается в России актуальной. Из одиннадцати веков существования России только последние три столетия страна знала развернутое образование. Берестяные Новгородские грамоты и учение чтению по Псалтырю, очевидно, не равны образованию университетскому [Киселева 2011, 37–70]. Нужны были образованные дипломаты, инженеры, математики, историки. Владение иностранными языками было делом важным, государственным, но их не знали. По словам Григория Котошихина, бежавшего в XVII в. в Швецию, русский двор был посмешищем, ибо никто не понимал никакого чужого языка: “А писать учить выбирают ис посольских подьячихъ. А инымъ языком, латинскому, греческого, немецкого и никоторых, кроме русского, научения в Российском государстве не бывает” [Котошихин 1989, 266]. А все же с Западом хотелось общаться на равных. Казалось бы, с XVIII столетия Россия вступила на европейский путь. Но с университетами, с образованием власти никогда не знали, что делать. Вроде бы образование было полезно – с государственной точки зрения. Толчок Петра Великого тоже много значил. Но опасности для властей в этом деле, создании образованной части общества, усматривалось больше. Больше всего при самодержавной системе прав-

ления, при полуазиатской ментальности смущала возможная самостоятельность вышедших из университетов людей.

Поворот Александра Второго к европейскому пути означал предоставление людям не радикальным и относительно благонамеренным известной доли духовной независимости, чтобы обеспечить в стране принцип буржуазной свободы и самодеятельности. Снова потребовался как опыт Петра Великого, опиравшегося на достижения наиболее буржуазных стран Запада, так и продолжателей дела великого императора – Екатерины I, Елизаветы Петровны, Екатерины II и Александра I, мечтавшего в эпоху своего “прекрасного начала” (Пушкин) о преобразованиях. Как известно, Петр по совету Лейбница открыл в России Академию, а по совету Христиана Вольфа Университет при академии (подготовленный Петром указ подписан в 1725 г. Екатериной I), проложив тем самым путь образовательным реформам своих наследников.

* * *

Свобода просвещения была, разумеется, минимальной, постоянно отбиралась (“сжег гимназию и упразднил науки” – формула Салтыкова-Щедрина о правителях России), и все же необходимость научных исследований диктовалась военно-промышленными нуждами государства, что принуждало его сдерживать свои антикультурные инстинкты.

Одной из основных задач, стоявших перед послепетровской европеизирующейся Россией, была задача создания условий для самостоятельного развития науки, появления собственных ученых, способных принести пользу российскому государству в конкретных военных и технических нуждах. Оценивая петровские реформы, Чернышевский утверждал, что “целью деятельности Петра было создание сильной военной державы” [Чернышевский 1950, 610]. Нельзя не заметить, что утверждение Николаевского президента Военной академии И.О. Сухозанета 1847 г.: “без науки побеждать возможно, но без дисциплины – никогда” [Тарле 1957, 68], цитируемое Тарле в работе “Крымская война” противостоит петровскому пониманию сильной армии и есть прямой путь к Крымскому поражению.

Победительница немцев императрица Елизавета Петровна 12 января 1755 г. подписала указ об учреждении Московского университета. Необходимость в России университета объяснялась в указе следующим образом: “Как всякое добро происходит от просвещенного разума, а, напротив того, зло искореняется, то, следовательно, нужда необходимая о том стараться, чтоб способом пристойных наук возрастало в пространной нашей империи всякое полезное знание...” [Соловьев 1993, 259–260]. Иными словами, насаждение “пристойных наук” было признано делом государственной важности.

Здесь сразу надо оговорить одну проблему, а именно: отличие русского университета от западноевропейского. И дело не только в том, что русские университеты стали появляться, по крайней мере, на пять столетий позже, чем западноевропейские, их установка и устройство были принципиально иными. Достаточно сослаться на слова Ле Гоффа о специфике университета на Западе: “XIII столетие – это век университетов, поскольку он является веком корпораций. <...> В городах, где они сформировались, университеты являли собой немалую силу числом и качеством своих членов, вызывая беспокойство иных сил. Они достигали своей автономии в борьбе то с церковными, то со светскими властями” [Ле Гофф 2003, 57–58]. В России университеты могли только мечтать о независимости (они и мечтали), но были полностью зависимы от государства – и политически, и экономически.

В первые годы правления Александра I были основаны еще четыре университета: Дерптский (1802), Виленский (1803), Казанский (1804) и Харьковский (1805). В 1819 г., на основе Главного педагогического института, был образован Петербургский университет. Однако уже в начале 20-х гг. университеты пережили погром Магницкого и Рунича. Сам принцип научного исследования оказался под подозрением. Так неокрепшее еще, по существу еще не состоявшееся русское высшее образование самой возможностью своею пугало чиновные круги, военную верхушку, да и высший свет¹.

Очень показательным для понимания архетипа отношения российской власти к образованию и просвещению столкновение Пушкина и Николая I по поводу пушкинской

записки “О народном воспитании”, составленная Пушкиным по распоряжению императора. Уже явно склонявшийся к либеральному консерватизму (который никогда не означал сервильности), Пушкин оставался верен принципам независимости мысли. И он сразу начинает с утверждения своих принципов: “Последние происшествия обнаружили много печальных истин. Недостаток просвещения и нравственности вовлек многих молодых людей в преступные заблуждения. Политические изменения, вынужденные у других народов силою обстоятельств и долговременным приготовлением, вдруг сделались у нас предметом замыслов и злонамеренных усилий. <...> Не одно влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания есть корень всякого зла <...>. Скажем более: одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия” [Пушкин 1982^a, 355–356].

Ответ Николая стоит курсива, ответ на много лет вперед определил отношение к образованию всех следовавших далее русских властей. В письме от 23 декабря 1926 г. А.Х. Бенкендорф *довел до Пушкина*, что “государь император с удовольствием изволил читать рассуждения ваши о народном воспитании”, но “при сем заметить изволил, что принятое вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительно основанием совершенства, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число молодых людей. *Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению, безнравственному и бесполезному. На сих-то началах должно быть основано благонаправленное воспитание*” (курсив мой. – В.К.) [Пушкин 1982^b, 450–451]. Это, в сущности, и осталось требованием русских властей навсегда.

Поражение декабрьского восстания 1825 г. означало, что дворянство сошло с исторической сцены как революционная политическая сила. Но это поражение имело и иные последствия. Часть дворянства, не имея возможности применить свои силы на политической арене, ушла в культурную деятельность, дав кадры будущих ученых и мыслителей, явилась по существу первым значительным отрядом русского просвещения. Надо ли напоминать о студенческих кружках 30-х и 40-х гг., о Станкевиче, Герцене, Грановском?! Не скованные нуждой, сохранявшие экономическую независимость, они внесли в университетскую науку дух бескорыстного исследования. Одних (Герцена, Огарева, позже Лаврова, Кропоткина) этот дух повлек к революционной борьбе, вывел за пределы университетской науки. Уже в 1843 г. в работе “Дилетантизм в науке” Герцен выступил за соединение науки с жизнью, против “цеха ученых”. А его друг Бакунин позднее напишет призыв – идти разрушать университеты. Обращаясь к молодым радикалам (март 1869 г.), Бакунин писал в памфлете “Несколько слов к молодым братьям в России”: “Не хлопчите о науке, во имя которой хотели бы вас связать и обессилить. Эта наука должна погибнуть вместе с миром, которого она есть выразитель. Наука же новая и живая несомненно родится потом, после народной победы, из освобожденной жизни народа” [Революционный радикализм 1997, 213]. Другие (Грановский, Кавелин, Соловьев, Чичерин), напротив, поняли свою университетско-профессорскую деятельность как *служение*, более важное и нужное России, нежели революционная деятельность Герцена. Противопоставив революционной этике этику научной университетско-преподавательской работы, образу революционера образ *профессора*, они заложили основу нового типа русских просвещенных деятелей.

Пытаясь понять секрет влияния Грановского, не создавшего научной школы, не сделавшего крупных научных открытий, сравнительно далекого от общественно-политических страстей, осудившего Герцена за его публицистику, на все русское образованное общество, на таких разных по своим научным воззрениям людей, как Бабст, Кавелин, Соловьев, Чичерин, на него самого, наконец, Ключевский писал: “От него пошло университетское предание, которое чувствует, которое носит в себе всякий русский образованный человек. Все мы более или менее – ученики Грановского и преклоняемся перед его чистой памятью, ибо Грановский, не другой кто, создал для последующих поколений русской науки *идеальный первообраз профессора*” [Ключевский 1989, 298] (Курсив мой. – В.К.).

Формированию деятелей науки этого типа были известные предпосылки. Чувствуя напор купечества и разночинного сословия, видя, что дворянство теряет свои преимуще-

щества, представители русского просвещенного консерватизма попытались превратить дворянство в духовную аристократию, то есть создать, а точнее, завершить создание образованного слоя на базе дворянства, чтобы просвещение стало внутренне присущей дворянству отличительной чертой, семейной, родовой *традицией*. Теоретиком и практиком такого подхода к образованию был попечитель Московского университета граф С.Г. Строганов. Как вспоминал о нем С.М. Соловьев: “Основная его (Строганова. – В.К.) мысль – поднять высшее дворянское сословие в России, дать ему средства поддержать свое положение, остаться навсегда высшим сословием: самым сильным для этого средством в его глазах было образование, наука; отсюда – мысль, что люди, поставленные по происхождению и богатству в верхнем слое общественном, должны учиться по преимуществу. <...> Государство сильно только аристократиею, думал он, но аристократия сильна не одним своим происхождением, особенно в России, где выходцам открыта такая свободная дорога; аристократия поддерживается личными достоинствами членов своих, их нравственными средствами – отсюда стремление усвоить образование, науку, преимущественно для высшего сословия” [Соловьев 1995, 547–548]. Разумеется, приход в высшее образование небольшого числа разночинцев предполагался неизбежным. Но ставший профессором разночинец получал потомственное дворянство и растворялся в элитарной профессорской среде. Впрочем, малое количество университетов, элитарность высшего образования привели (в данном случае существенно это подчеркнуть) к тому, что просвещение охватило не все дворянство, от дворянства тоже отделился узкий слой деятелей науки, ученых, профессоров, которые, смешавшись с просвещенными разночинцами-учеными, в результате и породили то определенное социокультурное явление со своим особым, пусть не осознававшимся еще таковым в 40-е годы, мировоззрением.

Все это, конечно, не означает, что университетская среда не знала антагонизмов, была цельной и монолитной, что там не было политических и идейных разногласий. В эпоху Николая I власть пыталась противопоставить либерально настроенным профессорам профессоров-чиновников, выполняющих покорно все предписания начальства. “Правительство, – как писал об этом времени Г. Шпет, – не могло иначе относиться к просвещению, как в полной уверенности в своем нераздельном праве на руководство им” [Шпет 2008, 263–264]. Идеолог Николаевской методы просвещения граф Сергей Уваров в 1843 г., например, констатировал: “В царствование Вашего Величества главная задача по министерству народного просвещения состояла в том, чтобы *собрать и соединить в руках правительства все умственные силы, дотоле раздробленные*, все средства общего и частного образования, оставшиеся без уважения и частью без надзора, все элементы, принявшие направление неблагоприятное или даже превратное, *усвоить развитие умов потребностям государства*” [Уваров 2010, 420] (курсив мой. – В.К.). Принявшие это требование профессора стали выразителями совсем особого направления русской мысли – “официальной народности”, направления, бесспорно чуждого либеральному образу мыслей и не желавшего тесных контактов с современной им Западной Европой. Однако когда после “мрачного семилетия” николаевского режима Александр II был вынужден провести ряд либерально-буржуазных реформ, когда либерализм стал государственной политикой, то укрепились и либеральные тенденции в университетах.

Обретя самосознание к середине XIX в., университетский слой в начале XX в. получил уже и своего сатирического историографа и бытописателя – Андрея Белого, который уже в советское время в своих романах и мемуарах попытался подытожить упадок этого социокультурного слоя – произнеся своего рода надгробное слово: “Именно я изучил изжитость профессорской квартирочки, поднесенной мне, профессорскому сынку; <...> и уже пятиклассником я знал: жизнь славной квартиры провалится; провалится и искусство, прославляемое этой квартирою: с Мачтетом и Потапенкой, с Клевером и Константином Маковским, с академиком Беклемишевым и Надсоном вместо Пушкина; еще более оскандалится общественность этой квартиры, редко приподнятая над правым кадетизмом” [Белый 1930, 14–15]. Отчасти он был прав, либерально-профессорская элита оказалась в каком-то смысле в изоляции в эпоху наступавших, а затем и свершившихся социальных катаклизмов в России рубежа веков. Но лишь отчасти. Посколь-

ку уход этого слоя с исторической арены был трагичен, трагедией для России и русской культуры.

Тесная связь, генетическое единство новейшей русской литературы послепетровского периода с “профессорской культурой” видна, что называется, с первого взгляда. Начиная с Ломоносова, основателя Московского университета, поэта, художника, ученого, выразившего внутренний пафос молодой русской культуры (не говоря уже о Куницыне и Галиче, оказавших несомненное влияние на русскую литературу, хотя бы в качестве учителей молодого Пушкина), можно назвать ученых, профессоров, бывших в то же время и участниками живого литературного процесса, таких, как Мерзляков, Кронеберг, Погодин, Шевырев, Надеждин. Притягательность, значимость профессорской кафедры для мыслящих русских людей была весьма велика: о профессорской карьере мечтали Гоголь и Бакунин, Белинский и Чернышевский. События в ученом мире становились фактами литературной жизни. Достаточно напомнить, что столкновение Грановского и Шевырева, знаменитых профессоров Московского университета, послужило окончательным поводом для окончательного самоопределения двух общественно-литературных группировок (славянофилов и западников) и широко отражено в литературной критике тех лет.

Начиная с 60-х годов, однако, обнаруживается решительное расхождение между университетско-профессорской культурой и радикальной молодежью, вчерашними студентами. Русские профессора по-прежнему выступают в журналах, пишут книги, университеты более, чем когда-либо, переполнены слушателями, но радикальные русские критики уже улавливают пока для общей массы не очень отчетливое различие между позицией русской профессуры и грядущими “революционными преобразователями России”. В статье “Наша университетская наука” Писарев заявлял, что университетское прибежище науки от суровостей деспотизма на самом деле не способствует ее развитию, поскольку от ученых требуется, чтобы их “силы и способности были оценены правительством и засвидетельствованы дипломом” [Писарев 1955, 187]. Именно поэтому, полагал критик, общественную инициативу и культурную самодеятельность вряд ли можно развивать через университеты. Нарисовав иронический портрет академика М.И. Сухомлинова (в статье – профессор Телицын), Писарев риторически вопрошал: “Находите ли вы, что обновление России будет совершаться быстро и радикально, если десятки тысяч Телицыных будут рассеяны на всех поприщах нашей общественной деятельности?” [Писарев 1955, 150]. Расхождение университетской науки с реальным развитием России кажется критику свершившимся фактом. В 70-е гг. Михайловский опубликовал статью “Письма ученым людям”, в которой, подтверждая мысль Писарева, говорил, что положительное влияние на развитие русского общества оказывала литература и журналистика, а не профессура, что истинные профессора – это писатели и литературные публицисты. Но православные консервативные мыслители тоже стали отмежевываться от либерально-профессорского круга. На 80-й г. падает полемика Достоевского с профессором А.Д. Градовским: великий писатель заявил, что “прогрессистски” мыслящие профессора не способны стать действительными учителями русской общественности, ибо не понимают, не чувствуют напряженной, склонной к катаклизмам природы русской истории, поэтому их “рецепты” не применимы для России.

Выступления Писарева, Михайловского, Достоевского не были случайностью. Уже в начале 60-х гг. сами представители “профессорской культуры” заговорили о ценности и незаменимости университетской науки, противопоставляя свою тенденцию всем иным направлениям и тенденциям общественного развития, всем иным видам общественной деятельности. «У нас университеты, – утверждал Б.Н. Чичерин, – заменяют все – и гимназии, в которых не учатся и не могут учиться, потому что нет порядочных учителей, и специальные школы, и литературу, и, наконец, самое общественное образование, которого у нас нет. У нас университеты вовсе не такие высшие учебные заведения, как в других странах. Наши университеты – это умственная атмосфера, в которой человек получает хоть какое-нибудь развитие. Через университеты русское общество выходит из сферы “Мертвых душ”» [Чичерин 2010, 26]. Профессорский слой, как полагал Чичерин, стоял между дву-

мя лагерями – радикалами и реакционерами. Тут можно вспомнить строчки Алексея Константиновича Толстого, близкого к этому кругу:

Двух станом не боец, но только гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой добрый меч,
Но спор с обоими досель мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня привлечь;
Союза полного не будет между нами –
Не купленный никем, под чьё б ни стал я знамя,
Пристрастной ревности друзей не в силах снести,
Я знамени врага отстаивал бы честь!

1858

Так и было. Профессорская этика требовала не присоединяться к крайним точкам зрения, которые каждая на свой лад толкали Россию в омут безмыслия.

Вот, скажем, ориентация на радикалов, но – в меру. К голосу профессора еще в 40-е гг. публика прислушивалась с доверием. В 1846 г. Белинский писал Герцену: “На всякий случай скажи юному профессору Кавелину – нельзя ли и от него пожить чем-нибудь в этом роде. Его лекции, которых начало он прислал мне (за что я благодарен ему до нельзя), – чудо как хороши; основная мысль их о племенном и родовом характере русской истории в противоположность личному характеру западной истории – гениальная мысль, и он развивает ее превосходно. Ах, если бы он дал мне статью, в которой бы он развил эту мысль, сделал сокращение из своих лекций, я бы не знал, как и благодарить его” [Белинский 1956, 255]. Кавелин послушался просьбы-совета, и в результате явилась на свет (в первом номере “Современника” за 1847 год) его знаменитая статья “Взгляд на юридический быт древней России”, статья, наделавшая шуму и обострившая отношения славянофилов и западников.

Собственно, профессора и раньше выступали в журналах, более того, именно они, как самые образованные люди, понимавшие значение печатного слова, зачастую журналы эти и издавали. Однако, выступая в журнале, профессор старался превратиться в журналиста, усвоить раскованную неакадемическую манеру письма, прикрываясь порой псевдонимом (Сенковский – Барон Брамбеус, Надеждин – экс-студент Надоумко). Кавелин же опубликовал в журнале *научное исследование*. И русская публика приняла его с восторгом. Означало это, что в публике, помимо интереса к литературно-критическим и философско-публицистическим статьям, возник запрос на науку. Белинский чутьем просветителя уловил этот новый шаг, который сделало русское общество в своем развитии: отсюда его предложение Кавелину написать статью. Это была попытка критика-демократа использовать *академическую науку* в интересах прогрессивного воспитания общества.

Авторитет *ученого, профессора* был в русском обществе столь высок, что в программной, полемической статье Ю.Ф. Самарина «О мнениях “Современника” исторических и литературных», написанной и напечатанной сразу же по выходе номера “Современника” во втором номере “Москвитянина” за 1847 г., именно Кавелин был назван теоретическим обоснователем “натуральной школы”, Белинский же язвительно именовался всего лишь популяризатором кавелинских идей. Нельзя не удивиться, писал Самарин, “необыкновенной быстроте, с которою разрослась мысль, пущенная в ход счастливою рукой г. Кавелина и подхваченная г. Белинским” [Самарин 1996, 477]. Что же это была за мысль, так возмущившая славянофилов? Кавелин анализировал развитие русской истории и культуры через проблему *личности*, ибо, по его мнению, “для народов, призванных к всемирно-историческому действию в новом мире, такое существование без начала личности невозможно. Иначе они должны бы навсегда оставаться под гнетом внешних, природных определений, жить, не живя умственно и нравственно. Ибо когда мы говорим, что народ действует, мыслит, чувствует, мы выражаемся отвлеченно; собственно чувствуют, мыслят единицы, лица, его составляющие. Таким образом, личность, сознающая сама по себе свое беско-

нечное, безусловное достоинство, – есть необходимое условие всякого духовного развития народа” [Кавелин 1989, 22]. Именно эта идея оказалась в значительной степени центральной для всего либерально-профессорского круга.

Структурировал русский просвещенный слой именно университет. В 1862 г. Б.Н. Чичерин издал книгу, где собрал свои статьи, посвященные актуальнейшим вопросам русской пред- и пореформенной жизни. Одна из статей была посвящена русским университетам. “Одно из лучших созданий новой России – это наши университеты, – писал Чичерин. – Проходя через них, русское юношество совлекает с себя первобытную закоснелую пошлость гоголевских героев и начинает приобретать духовные интересы и идеальные стремления. <...> На университетах неизбежно отражается та шаткость, которая господствует в современном обществе. Но в них живет крепкое и серьезное предание, которое может служить самым надежным противодействием легкомысленным увлечениям общества и которое одно в состоянии возратить разбредшиеся умы к строгости и спокойствию научного труда. <...> К ним многие поколения обращаются как к святилищам, из которых они вынесли лучшие надежды жизни и самые заветные воспоминания молодости. Порвите эту нить, превратите университеты в публичные места, в общественные кафедры, тогда исчезнет последний отпор тому невежественному легкомыслию, тому нравственному безначалию, той страсти к мечтательным нововведениям, по которым без паруса и кормила носится русская мысль” [Чичерин 1998, 391]. Напомню послехрущевскую мудрость: “Надо учиться не на ошибках, а в университетах”. Но не только университет, даже жизнь плохо учит. И здесь профессора, похоже, не виноваты.

Протестуя против невежества, против стеснения мысли и исследования, представители университетско-профессорской культуры вместе с тем вполне сознательно не принимали революционного пути, возлагая надежды на просвещенных и гуманных деятелей науки, искусства и очень мало на чиновников. Чиновникам идеи и не были нужны. Но может ли общество жить и развиваться без идеи? К несчастью, русским либеральным профессорам не удалось того, что удалось, скажем, Локку, Адаму Смиту и т.д. – дать идею, которая бы резюмировала и определила развитие страны.

* * *

В 1889 г. Антон Чехов опубликовал повесть “Скучная история”, которая начиналась следующими словами: “Есть в России заслуженный профессор Николай Степанович такой-то, тайный советник и кавалер; у него так много русских и иностранных орденов, что когда ему приходится надевать их, то студенты величают его иконостасом. Знакомство у него самое аристократическое; по крайней мере за последние двадцать пять – тридцать лет в России нет и не было такого знаменитого ученого, с которым он не был бы коротко знаком. Теперь дружить ему не с кем, но если говорить о прошлом, то длинный список его славных друзей заканчивался такими именами, как Пирогов, Кавелин и поэт Некрасов, дарившие его самой искренней и теплой дружбой. Он состоит членом всех русских и трех заграничных университетов. И прочее и прочее”. Профессорская культура², профессор как человек, как общественная фигура стали настолько заметным социальным явлением, что оказались объектом пристального, *художественного* на сей раз, анализа. Та основная претензия, которую публицистически высказал Кавелину Достоевский об отношении профессорского слоя к действительности, становится углом зрения, под которым рассматривает и исследует своего героя Чехов. Профессор, умный, интеллигентный, крупный ученый с мировым именем, чуткий, высоконравственный и деликатный человек, казалось бы тонко чувствующий литературу, искусство, оказывается не в состоянии помочь разобраться в жизни своим *детям* и племяннице, воспитать их так, чтобы они были в жизни счастливы. Книжная культура, научное знание расходятся с реальными противоречиями и нуждами действительности.

Чехов реализовал, прояснил и художественно обозначил то противоречие, которое первым почувствовал Достоевский. Та наследственность, семейно-родовая культурная преемственность, о которой мечтал Кавелин, когда *дети* в области науки и культуры *продолжают* дело *отцов*, утверждая и закрепляя их духовные завоевания, были поставлены Чеховым под сомнение. Чеховский прогноз получил и жизненно-историческое подтверждение.

В середине 70-х гг. Кавелин с радостью писал Самарину, что, на его взгляд, в России происходит возрождение философии как науки и что связано это возрождение с деятельностью их круга: так, наибольшее оживление и стечение множества народа вызвал диспут по диссертации на степень магистра, которую защищал “сын Соловьева, С. М-ча, юноша, говорят, очень знающий” [Самарин 1877, 390]. И действительно, в начале своего пути Владимир Соловьев, казалось, шел предначертанным ему путем академического ученого. Однако именно он, пожалуй, оказался первым беглецом из своего круга, своего рода профессором-расстригой, ушедшим из строгой науки не просто в журналистику или искусство (такое бывало и раньше), а по контрасту еще дальше – в религиозную мистику, полную пророчеств и апокалиптических предчувствий. И, тем не менее, в своей полемике с официозом он становится постоянным автором знаменитого либерально-профессорского журнала “Вестник Европы”, возглавляемого профессором М.М. Стасюлевичем. “Профессорское начало” в юном философе даже его апокалиптическим прозрениям придало необходимый налет академической респектабельности. Выступая против государственного и всякого иного национализма, против стеснений свободы мысли, Соловьев с подозрением относился и к радикальному молодежному движению. Уже в своих речах в память Достоевского (1881–1883) он так обозначил свое понимание любого – левого или правого – радикализма: “В достижении общественного идеала путем разрушения все дурные страсти, все злые и безумные стихии человечества найдут себе место и назначение; такой общественный идеал стоит всецело на почве господствующего в мире зла. Он не предъявляет своим служителям никаких нравственных условий, ему нужны не духовные силы, а физическое насилие” [Соловьев б.г., 208–209]. Соловьева не принял профессор-позитивист П.Н. Милюков, хоть и либерал, но готовый поддержать и радикалов, лишь бы разрушить монархию, называя “средневековым мистиком”. Надо сказать, такая поддержка радикализма профессорами была редкостью в России. Если Ортега-и-Гассет писал, что “надо гуманизировать ученого, который, восстав к середине XIX в., начал жить согласно евангелию бунта, ставшему с тех пор величайшей вульгарностью, величайшим обманом эпохи” [Ортега-и-Гассет 2010, 110], то русские профессора пытались направить деятельность воспитываемой ими молодежи на творчество, на преодоление темного Ничто, стоящего перед человечеством. К несчастью, не прошедшая вековой университетской выучки русская молодежь скатывалась именно в это Ничто, в нигилизм всеобщего отрицания. Профессора искали духовной преемственности в культуре. Так из духовной школы Владимира Соловьева вышли крупнейшие русские мыслители начала XX в. Они пытались либерально отнестись к молодежи, памятуя идею всеединства, которая должна примирить в себе разные позиции. Но в социальной жизни такая позиция порождала одну ошибку за другой. Скажем, считал Владимира Соловьева своим учителем один из крупнейших русских философов профессор С.Н. Трубецкой, первый выбранный ректор Московского университета. Он хотел поверить молодежи, добился автономии университета 27 августа 1905 г. Но студенческие сходки, собрания, беспорядки в аудиториях сорвали учебный процесс, что, естественно, привело С.Н. Трубецкого к разочарованию в возможности свободы в русском незрелом еще обществе. Это подействовало сокрушительно на его здоровье, и всего через месяц он скончался.

Интересно, что в своей поэме “Возмездие” Блок подчеркивает свое профессорское происхождение, но для него отец-профессор – из породы избранных (“похож на Байрона”), более того, вся поэма о России, но на фоне отношения отца-профессора и сына-поэта. На это никто не обращал внимания, меж тем это весьма существенно. Ибо это две

стержневые линии свободного русского миропонимания, на них базировалась, по Блоку, судьба страны. Профессор жил, не ища материальной выгоды, думая о смысле жизни:

Привыкли чудачком считать
Отца – на то имели право:
На всем покоилась печать
Его тоскующего нрава;
Он был профессор и декан;
Имел ученые заслуги;
Ходил в дешевый ресторан
Поесть – и не держал прислуги;
По улице бежал бочком
Поспешно, точно пес голодный,
В шубенке никуда не годной
С потрепанным воротником;
И видели его сидевшим
На груди почернелых шпал;
Здесь он нередко отдыхал,
Вперяясь взглядом опустевшим
В прошедшее...

Блок ставит знак равенства между профессором и поэтом, видя в отце высшее существо, уходившее душой с миры иные.

Он знал иных мгновений
Незабываемую власть!
Недаром в скуку, смрад и страсть
Его души – какой-то гений
Печальный залетал порой;
И Шумана будили звуки
Его озлобленные руки,
Он ведал холод за спиной...
И, может быть, в преданьях темных
Его слепой души, впотьмах –
Хранилась память глаз огромных
И крыл, изломанных в горах...
В ком смутно брезжит память эта,
Тот странен и с людьми не схож:
Всю жизнь его – уже поэта
Священная объемлет дрожь.

Собственно смертью отца-профессора, поэта высших миров, и кончается поэма “Возмездие”. Далее катастрофа “Двенадцати”, двенадцати апостолов антихриста. А потом смерть поэта – от невозможности жить в новом мире. Собственно еще в 1914 г. Блок увидел наступление на мир, на Россию ужаса:

Как часто плачем – вы и я –
Над жалкой жизнью своей!
О, если б знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней!

Это стихотворение им названо “Голос из хора”. Но, значит, и хор чувствовал нечто подобное, пусть не столь отчетливо. Конечно же, отпадение и выход из профессорского слоя “детей”, тех, которые ощущали усиливающиеся противоречия и надвигающиеся перемены и вместе с тем были отгорожены от реальности профессорским бытом, культурой, всем строем представлений был не случаен. Они уходили в мистику, декаданс, пытаясь эмоционально-интеллектуальным усилием возместить недостающее им знание о “живой жизни”, напрасно думая, что таким образом они прорвут изоляцию обособленного культурного слоя. А потом ренегаты этого слоя, чувствовавшие на себе его родо-

вое проклятие, злились. «Не удалась попытка, – писал Андрей Белый, пытавшийся в двадцатые годы приспособиться к советскому взгляду на мир, – прожить под знаменами позитивизма, либерализма, сими религиозными устоями профессорского бытия; от этих знамен в конце века несло на меня мертвой затхлостью; все действенное бежало от сих знамен: и вправо, и влево; средняя линия однолинейного прогресса, по Спенсеру, – редула: усиливались где-то сбоку от средней лежащие обители пессимизма, анархического нигилизма, нищезанства, марксизма, революционного народничества; спасались даже... в “мистику”, столь осуждавшуюся “нашей средой”, чтобы только остаться вне “нашей среды”» [Белый 1930, 98]. Но беда была и в том, что, когда революционный смерч захлестнул их, некоторые в первый момент поверили “музыке революции” (Блок, Белый), а другие (А.К. Тимирязев, сын биолога) просто пошли в услужение новой власти, забывая о своем научном достоинстве. Думаю, сервиллизм Белого по отношению к победившему плембу, сказавшийся в этих рассуждениях, проявился не только в мемуарах. Его самый крупный после “Петербурга” роман “Москва”, в сущности, был ориентирован на то, чтобы *разоблачить, унижить* русскую дореволюционную профессуру. В предисловии к первому изданию 1925 г. он писал: “В лице профессора Коробкина, ученого мировой значимости, я рисую беспомощность науки в буржуазном строе” [Белый 1989, 755]. Любопытно, что в этом образе явно просвечивает помимо советизма еще и *эдитов комплекс*. Как отмечает современная исследовательница: «Прототипом профессора Коробкина в романе “Москва” был отец писателя математик и философ Николай Васильевич Бугаев» [Спивак 2006, 242].

Стоит напомнить, что в том же 1925 г. Михаилом Булгаковым, сыном профессора богословия и историка церкви Афанасия Ивановича Булгакова, было написано “Собачье сердце”. Но опубликована эта повесть была только в 1987 г. В повести профессор Преображенский был выразителем разума и стойкости русской профессуры, даже в те годы пытавшейся противостоять хаосу и разрухе, Шарикову и Швондеру, а также похожей на мужчину женщине. Как мы знаем, Булгаков тоже был выходцем из профессорской семьи, жизнь его вышвырнула далеко от зеленой лампы и кремовых штор. Но, понимая изменившийся состав мира, он не стал его частицей. В новых условиях он нес в себе этическое начало русской профессуры.

Вообще-то, достаточно непредубежденно посмотреть на состав *поэтического цеха* начала века, чтобы увидеть, что, по крайней мере, треть поэтов, наиболее трагических (ибо на разрыве с реальностью и возникала в данном случае трагедия), были выходцами из профессорских семейств. Назовем некоторых: Вл. Соловьев, сын профессора С.М. Соловьева; А. Белый, сын профессора Н.В. Бугаева; А. Блок, сын профессора А.Л. Блока, внук профессора А.Н. Бекетова и зять профессора Д.И. Менделеева; М. Цветаева, дочь профессора И.В. Цветаева; С. Соловьев, сын профессора М.С. Соловьева; крайне любопытна фигура профессора-поэта Вяч. Иванова, собственное профессорство которого дало тот же культурный фон, семейно полученный остальными. В известном смысле и тяготение к *литературным* сюжетам и образам, к абстрактной философской символике у И. Анненского, В. Брюсова, Д. Мережковского и других поэтов-символистов, историко-филологическую настроенность их поэзии можно отнести не только за счет художественной школы, но и за счет определенным образом сформированного университетским образованием направления и склада мысли. Все это и создавало то причудливое сочетание, в котором восхищение традиционной культурой, боязнь “грядущих гуннов” парадоксально сплетались с трагической, болезненной потребностью любым (мистическим, эстетическим) путем выйти за ее пределы. Напомню ранние строчки Мережковского:

ДЕТИ НОЧИ

Устремляя наши очи
На бледнеющий восток,
Дети скорби, дети ночи,
Ждем, придет ли наш пророк.
Мы неведомое чуем,
И, с надеждою в сердцах,
Умирая, мы тоскуем
О несозданных мирах.
Дерзновенны наши речи,
Но на смерть осуждены
Слишком ранние предтечи
Слишком медленной весны.
...
Наши гимны – наши стоны;
Мы для новой красоты
Нарушаем все законы,
Преступаем все черты.

1894

История складывалась так, что в России, где образование и культура, как писал С.М. Соловьев, была заморским плодом и приживалась плохо, вместо ожидавшейся нравственной крепости и здоровья *профессорская культура* порождала у своих наследников ощущение жизненной неукорененности, непрочности бытия и культуры, трагическое, разорванное миропонимание и сознание. Трагизм мироощущения, как выяснилось, был неслучаен. Ненависть восставшего в начале XX в. демоса к профессорскому сословию была чудовищна. Началось все с бессудных расстрелов. Приведу лишь один эпизод из жизни Петербурга 1918 г., зафиксированный поэтессой Зинаидой Гиппиус в ее “Черной книжке”. Тогда шли массовые расстрелы большевиками заложников – офицерства и интеллигенции. И вот – дневниковая запись: «Недавно расстреляли профессора Б. Никольского. Имущество его и великолепную библиотеку конфисковали. Жена его сошла с ума. Осталась дочь 18 лет и сын 17-ти. На днях сына потребовали во “Всевобуч” (всеобщее военное обучение). Он явился. Там ему сразу комиссар с хохотком объявил (шутники эти комиссары!): “А вы знаете, где тело вашего папашки? Мы его зверькам скормили”» [Гиппиус 2004, 250].

Бунин говорил, что большевики убили чувствительность. Мы переживаем смерть одного, семи, – писал он, – допустим, труднее сопереживать смерти семидесяти, но еще возможно, однако когда убивается семьдесят тысяч, то человеческое восприятие перестает работать. Он писал, обращаясь к Уэллсу³, поверившему Ленину: “Это Ленины задушили в России малейшее свободное дыхание, они увеличили число русских трупов в *сотни тысяч* раз, они превратили лужи крови в моря крови, а богатейшую в мире страну народа пусть темного, зыбкого, но все же великого, давшего на всех попрощах истинных гениев не меньше Англии, сделали голым погостом, юдолью смерти, слез, зубовного скрежета; это они затопили весь этот погост тысячами “подавляющих оппозицию” чрезвычайек, гаже, кровавее которых мир еще не знал институтов, это они <...> целых три года дробят черепа русской интеллигенции” [Бунин 1997, 69–70]. Профессорскому сословию досталось больше прочих (по сравнению с другими слоями российского населения). Вот слова крупнейшего русского социолога Питирима Сорокина: “Смертность профессуры за 1918–1922 гг. была в 6 раз выше смертности мирного времени и вдвое выше смертности остального населения Петрограда в 1918–1922 гг.” [Сорокин 2008, 193].

Потом, чтобы Запад окончательно не счел победивший демос скопищем людоедов, двести крупнейших ученых и писателей были высланы на Запад (эта акция теперь имеет название “философский пароход”). Интеллектуальный и вместе с тем очень страстный итог бытия русского университета и русского профессорства подвел бежавший в 1918 г. из большевистской России академик Михаил Иванович Ростовцев, историк античности и археолог. Для начала приведу его буквально крик ужаса о судьбе русских профессоров из

статьи “Наука в большевистской России” (1921 г.): “Почему ученые умирают от голода? Я не представляю здесь длинный список ученых, которые умерли от голода за последние 3 года. Их множество. Почему большевики не защищают ученых от убийств и арестов со стороны Чрезвычайной комиссии по всей России? Сколько талантливых русских ученых погибло ужасной смертью в Ростове, Киеве, Крыму, Москве! Почему многие из них покончили жизнь самоубийством? <...> Почему сотни русских ученых, молодых и старых, убегают из России и живут жизнью просветителей в Западной Европе, Японии, Китае и Америке? По моей статистике не менее трети ученых покинули Россию” [Ростовцев 2002, 91]. И в другой статье, он пытается показать *этнос* русского университета, русского профессорского сословия, как оно сложилось к революции. И то, во что хотят превратить университеты и выживших профессоров. Начну с его понимания университетского *этноса* (статья “Университеты и большевики”): “Идеалы русских университетов вынашивались университетами в постоянной борьбе, внутренних и внешних конфликтов десятками лет. Много мученичества потребовало проведение в жизнь этих идеалов. Несмотря на постоянные шаги назад, мы все-таки последовательно приближались к их осуществлению. <...> Университет был всегда для русской интеллигенции не только учреждением для образования юношества. Это была лаборатория мысли, научного творчества во всех областях. Это был фокус, где сходились искания и стремления лучшей части русской интеллигенции” [Ростовцев 2002, 95]. Ну а при большевиках? Он пишет: “Что же противопоставили этому идеалу большевики? Как и во всем остальном, они резко порвали с традицией русского либерализма и стали на сторону русского самодержавия в худшие его моменты. Университет большевиков есть сколок с университета Магницкого и Николая I. Большевики хотят сделать из университета школу для служилого сословия советского государства” [Ростовцев 2002, 97]. Так оно и произошло. А потом опять начался крайне медленный и теперь даже трагический путь преодоления рабства и появления подлинного профессорства.

* * *

“Профессорская культура”, возникшая на перекрестье дворянского и буржуазно-разночинского либерального консерватизма, была явлением для России удивительным. Она дала крупных ученых, достижения которых вошли в историю русской науки (Д.И. Менделеев, А.М. Бутлеров, В.О. Ключевский, С.М. Соловьев), ученых, многие из которых сумели сохранить свое достоинство и в советское – сталинское – время (В.И. Вернадский, И.П. Павлов, К.А. Тимирязев). Казалось бы, в Октябрьскую революцию спор завершился и радикалы победили. Казалось бы, последний отзвук этого крушения “профессорской истины” можно услышать в насмешливо-недоверчивой реплике Маяковского: “Профессор, снимите очки-велосипед! / Я сам расскажу о времени и о себе”.

Однако преодоление культурно-исторического слома привело в середине 60-х годов XX столетия к тому, что вновь возникшая интеллигенция обратила полные ожидания взоры к новым представителям “профессорской культуры”. Правда, эта профессура пришла не из университетов, а из академической науки. Вспомним переполненные аудитории в 60-х и 70-х гг., где выступали не только поэты и барды (Евг. Евтушенко, Б. Окуджава, Вл. Высоцкий и др.), но и “ученые люди” (надо ли напоминать имена С.С. Аверинцева, М.К. Мамардашвили, В.В. Библихина, Л.М. Баткина и др.?). Когда свободы добавилось, они заняли и профессорские кафедры. Стоит предположить, что “профессорство”, быть может, стало, наконец, неотъемлемой частью нашего духовного опыта. И все же за него постоянно почему-то тревожно. Слишком много в нашей истории было тенденций *анти-профессорских*, которые в любой момент могут проснуться. А тогда под благовидными и не очень предложениями снова начнется погром образования.

ЛИТЕРАТУРА

- Белинский 1956 – *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. в 13-ти т. Т. XII. М.: АН СССР, 1956.
Белый 1930 – *Белый Андрей.* На рубеже двух столетий. М.–Л., 1930.
Белый 1989 – *Белый Андрей.* Москва. М.: Советская Россия, 1989.

- Бунин 1997 – *Бунин Ив.* Несколько слов английскому писателю // *Бунин Ив.* Великий дурман. М.: “Совершенно секретно”, 1997. С. 63–72.
- Гиппиус 2004 – *Гиппиус З.Н.* Черная книжка // *Гиппиус Зинаида.* Дневники. Минск: Харвест, 2004. С. 235–279.
- Кавелин 1989 – *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989.
- Кантор 1978 – *Кантор Владимир.* Русское искусство и “профессорская культура” (Литературно-эстетические взгляды К.Д. Кавелина) // Вопросы литературы. № 3. С. 155–186.
- Киселева 2011 – *Киселева М.С.* Вхождение России в интеллектуальное пространство Европы // *Киселева М.С.* Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 37–70.
- Ключевский 1989 – *Ключевский В.О.* Памяти Т.Н. Грановского // *Ключевский В.О.* Соч. в 9-ти т. Т. VII. М.: Мысль, 1989. С. 298–302.
- Котошихин 1989 – *Котошихин Григорий.* О Московском государстве в середине XVII столетия // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга вторая. М.: Худ. лит., 1989. С. 252–286.
- Ле Гофф 2003 – *Ле Гофф Жак.* Интеллектуалы в Средние века / Перевод А.М. Руткевича. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2003.
- Ортега-и-Гассет – 2010 *Ортега-и-Гассет Х.* Миссия университета. М.: Изд-во Гос. ун-та – Высшая школа экономики, 2010.
- Писарев 1955 – *Писарев Д.И.* Соч. В 4-х т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1955.
- Пушкин 1982^a – *Пушкин А.С.* О народном воспитании // *Пушкин А.С.* Собр. соч. В 10-ти т. Т. 7. М.: ГИХЛ, 1962. С. 355–360.
- Пушкин 1982^b – *Пушкин А.С.* Собр. соч. В 10-ти т. Т. 7. Комментарии. М.: ГИХЛ, 1962. С. 449–452.
- Революционный радикализм 1997 – Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. М.: Археографический центр, 1997.
- Ростовцев 2002 – *Ростовцев М.И.* Избранные публицистические статьи. 1906–1923. М.: РОССПЭН, 2002.
- Самарин 1877 – Цит. по кн.: *Самарин Ю.Ф.* Соч. Т. 6. М., 1877.
- Самарин 1996 – *Самарин Ю.Ф.* О мнениях “Современника”, исторических и литературных // *Самарин Ю.Ф.* Избранные произведения. М. Московский философский фонд, РОССПЭН, 1996. С. 411–482.
- Соловьев б.г. – *Соловьев В.С.* Три речи в память Достоевского // *Соловьев В.С.* Собр. соч. В 10 т. Т. 3. СПб.: Просвещение, б.г. С. 186–223.
- Соловьев 1993 – *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. XII. Т. 23. М.: Мысль, 1993.
- Соловьев 1995 – *Соловьев С.М.* Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // *Соловьев С.М.* Сочинения. Книга XVIII. М.: Мысль, 1995. С. 529–660.
- Сорокин 2008 – *Сорокин П.* Социология революции. М.: Астрель, 2008.
- Спивак 2006 – *Спивак М.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. М.: РГГУ, 2006.
- Тарле 1957 – *Тарле Е.В.* Соч. в 12-ти т. Т. VIII. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Чернышевский 1950 – *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. В 15 т. Т. VII. М.: ГИХЛ, 1950.
- Чичерин 1998 – *Чичерин Б.Н.* Философия права. СПб.: Наука, 1998.
- Чичерин 2010 – *Чичерин Б.Н.* Московский университет // *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. (2 том). М.: Изд. им. Сабашниковых, 2010.
- Шпет 2008 – *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии. 1. / Составление, комментарии Т.Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2008.
- Уваров 2010 – *Уваров С.С.* Десятилетие Министерства народного просвещения // *Уваров С.С.* Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 346–455.

Примечания

¹ Приведу грибоедовские строки из “Горе от ума”: “Нет, в Петербурге институт / Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут: / Там упражняются в расколах и в безверьи / Профессоры!!!”.

² Термин “профессорская культура” я сочинил и ввел в научный оборот впервые в 1978 г. в своей статье о литературно-эстетических взглядах К.Д. Кавелина [Кантор 1978]. С тех пор это понятие стало общепотребительным и разошлось по десяткам статей и книг.

³ Об Уэллсе Бунин написал так: “Мне было стыдно за наивности этого туриста, совершившего прогулку к “хижинам кафров”, в гости к одному из людоедских царьков <...> стыдно за бессердечную элегичность его тона по отношению к великим страдальцам, к узникам той людоедской темницы” [Бунин 1997, 67].

Наши авторы

- МИРЗОЯН
Валерий Арменакович – кандидат философских наук, доцент кафедры управления Армянского государственного экономического университета
- КАНТОР
Владимир Карлович – доктор философских наук, член редколлегии журнала «Вопросы философии», профессор философского факультета НИУ-ВШЭ
- АНДРЕЕВА
Екатерина Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела «Дворец Меншикова» Государственного Эрмитажа
- КАСАВИН
Илья Теодорович – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, заведующий сектором социальной эпистемологии Института философии РАН
- КАРПЕНКО
Александр Сергеевич – доктор философских наук, профессор, заведующий сектором логики Института философии РАН
- КЛИМОВА
Светлана Мушаиловна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- БУРМИСТРОВ
Сергей Леонидович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург)
- ЛОБАНОВ
Сергей Владимирович – аспирант Института философии РАН, старший преподаватель Свято-Филаретовского Православно-Христианского института
- СКОРОХОДОВА
Татьяна Григорьевна – доктор философских наук, профессор Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского
- КРЫШТОП
Людмила Эдуардовна – аспирантка философского факультета РГГУ
- СОБОЛЕВА
Майя Евгеньевна – доктор философских наук, приват-доцент университета г. Марбург, Германия
- НАГУМАНОВА
Светлана Фарвазовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Казанского государственного медицинского университета
- ФАТЕНКОВ
Алексей Николаевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой философской антропологии факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
- КРОТКОВ
Евгений Алексеевич – доктор философских наук, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета

CONTENTS

V.A. MIRZOYAN. Management and Leadership: Comparative Analysis of Theories of Leadership. V.K. KANTOR. Universities and Professorships in Russia. E.A. ANDREEVA. Petersburg – the “City on the Bones”? V.N. BRYUSHINKIN. Porismatic Model for the Origin of Scientific Theories and its Application for Study of History of Logic. I.T. KASAVIN. Knowledge and Communication: to Modern Discussions in Analytical Philosophy. A.S. KARPENKO. Philosophical Completeness Principle (Part I). S.M. KLIMOVA. Theorems of Reason and Axioms of Faith. Spinoza and Tolstoy. N.S. YULINA. Henry Stapp: Quantum Interactive Dualism as Alternative to Materialism. S.L. BURMISTROV. Religious Consciousness in Classical Advaita Vedanta. S.V. LOBANOV. Concept of the Origin of Indian Science by Frits Staal. L.E. KRYSHTOP. Postulates of Practical Reason: From the first “Critique” to the Second. M.E. SOBOLEVA. Logic of Hermeneutics. S.F. NAGUMANOVA. The Theory of Consciousness of D. Rosenthal. T.G. SKOROKHODOVA. Anglophilia of Bengal Intellectuals: Way to Yourself from Recognition of Others. A.N. FATENKOV. Nevozvrashchenets: The Figure of Subject in Negative Dialectic. E.A. KROTKOV. On Reasoning as Method of Knowledge. BOOK REVIEWS.

Сдано в набор 11.03.2013 Подписано к печати 28.05.2013 Дата выхода в свет 28 еж.
Формат 70 × 100¹/₁₆ Офсетная печать Усл. печ.л. 15.6 Усл.кр.-отт. 13.5 тыс. Уч.-изд.л. 18.8
Бум.л. 6.0 Тираж 855 экз. Зак. 1244 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство “Наука”, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119049 Москва, ГСП-1, Мароновский пер., 26
Телефон 8 (499) 230-79-56
Оригинал-макет подготовлен АИЦ “Наука” РАН
Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099 Москва, Шубинский пер., 6